

УДК 398.21

ББК 82.3 (2Рос=Баш)

ПЕРСОНАЖИ БАШКИРСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОТИВНИКИ ГЕРОЯ

Г. Р. Хусаинова

В башкирской фольклористике мифические образы были впервые классифицированы профессором А. Н. Киреевым по функциям каждого из них: 1) образы чудищ: аждахи, дэвы, ифриты и т. п., представляющие злое начало; 2) безобидные существа, к которым относятся «хозяева» (эйэ) гор, лесов, полей, пещер, хозяйственных и жилых строений (амбаров, хлевов, бань). Они не причиняют зла, если люди сами не задевают их; 3) добрые силы, помогающие человеку (эпическому герою) в его справедливых делах. Это кони-тулпары, крылатые акбузаты, волшебные шункары (кречеты), ыласын (сокол), торна (журавль), гигантская мифическая птица симруг и т. п. Основой такой классификации стало, как отмечает автор, «отношение мифических существ к действительности, проявляемое во взаимоотношениях их с людьми» [Киреев 1969: 17]. На наш взгляд, классификация А. Н. Киреева дает основательное представление о мифологических персонажах в башкирском фольклоре и не потеряла своей актуальности до настоящего времени, о чем свидетельствуют современные записи традиционного фольклора [Хусаинова 2012: 150–155].

Мифические образы встречаются в разных жанрах фольклора. Так, в эпосе, сказках действуют образы чудищ и добрые силы, помогающие герою, редко — хозяйка воды, другая же группа мифических персонажей больше характерна для башкирских быличек (хөрәфәти хикәйә).

В башкирских волшебных сказках мифологические персонажи представлены в двух ипостасях. Это антагонисты героя (дейеу, аждаха, иргәйел, ғифрит, мәскәй, йылан, юха и др.) и его помощники — Акбузат (волшебный конь), Сәмриғош (гигантская мифическая птица), чудесная супруга героя. Нас в данном случае интересует первая группа мифологических персонажей, т. е. противники героя, или антагонисты.

Функции противников героя заключаются в причинении ему вреда: они похища-

ют его невесту или жену [БНТ: Сказки 1: 123], воруют яблоки из сада или урожай с поля [БНТ: Сказки 1: 52; 55], проглатывают героя [БНТ: Сказки 1: 200, 203], сосут кровь у девушек (сестры или жены героя) [БНТ: Сказки 1: 183; БНТ: Сказки 2: 229].

Дэв (дейеу) — наиболее распространенный персонаж башкирских сказок. Исследователь башкирской богатырской сказки Н. Т. Зарипов выделяет две разновидности дэвов: 1) неповоротливые и глупые — в сказках о глупом черте и 2) невероятные силы, часто многоголовые ... [Зарипов 2008: 114]. Исследователь из Татарии Л. Жамалетдин посвятил отдельную статью образу дэва (татарск. дию) в татарских волшебных сказках, в которой выделил шесть разновидностей: похититель, выкупщик, колдун (учитель), слуга, глупый (на наш взгляд, не очень удачно выделенный тип дэва по способностям, т. к. в остальных случаях он определен по функциям. — *Х. Г.*), помощник героя [Жамалетдин 2000: 155]. Все обозначенные шесть сюжетных разновидностей дэва характерны и для волшебных сказок башкир: «Уральская вода»; «Девушка-змея и Ванюшка», «Дандан батыр» — похититель; «Шейх», «Серый ворон», «Младший сын» — выкупщик; «Нурхутдин», «Карамулла» — колдун; «Генерал Хорка» — помощник; «Старик и дейеу» — слуга. Образ дэва в них незначительно отличается от персонажа татарских сказок. Вместо выкупщика дэва в башкирской встречаются также аждаха («Царь, джигит, аждаха»), убырәбей («Золотая игральная кость»), мәскәй эбей («Шагали»), волк («Биранхылыу — дочь бире»), старик («Тысячелетний»); похитителями могут быть неизвестные персонажи («Молниеносный меч»), иргәйел («Булансы-Мэргән»); слугой — аждаха («Тимерказык»). Функция дэва-колдуна в башкирской сказке не ограничивается обучением мальчика способам колдовства, еще он и заманивает героя в ловушку, используя в качестве приманки свою дочь («Сайфелмулюк»).

По утверждению казахского мифолога Серикбола Кондыбая, «Дау/дэв — образы персидского фольклора — позаимствованы тюркскими народами в эпоху распространения ислама <...> Как мифологический персонаж дэвы наиболее распространены среди узбеков, а у других народов чаще выступают как сказочные образы...» [Кондыбай 2005: 101]. В башкирском фольклоре дэв (дейеу) встречается в эпосе, сказках, а в жизни слово дейеу используется в качестве эпитета по отношению к вспыльчивым (дейеу кеуек кызыу — ‘горячий, как дэв’), а также здоровым, сильным людям (дейеу кеуек здарауай — ‘здоровый, как дэв’), т. е. применяется в двух значениях.

Портретная характеристика дэва (дейеу) в башкирских сказках встречается редко. Так, в сказке «Сайфельмулюк» царь дэвов описывается таким образом: «Әзәмгә лә, хайуанға ла окшамаған, һыңар мөгөзлө бер йән эйәһе килеп сыккан. Өстөндә йыртык тун, ти» (‘Появилось однорогое существо, не похожее ни на человека, ни на животное. На нем была старая шуба’) [БНТ: Сказки 1: 163]. В эпосе «Кузый курпяч» тоже появляется образ дэва: «...ғәләмәт зур, үзе кот оскос, ытырғаныс бер януарзы күрә. Биле буға кеуек бөгөлгән, ерәнһыу йөнө қасмақланып. Урыны-урыны менән төләп бөткән йәмһез дәү башында озон қолактары һалынып төшкән, ике қолак араһында сак-сак күренеп торған күззәре бар» [БНТ: Эпос IV 1999: 75] (‘...необычайной величины страшный и безобразный зверь. Стан его был дугою, на нем рыжая шерсть была космата и местами свалына, на превеликой голове его хлопали длинные уши, между коими белые глаза едва были приметны’) [БНТ: Эпос IV: 276]. Несмотря на редко встречающуюся конкретность портретной характеристики в текстах сказок, в сознании народа образ дэва представлен как большое, волосатое, безобразное существо. Он представляется физически очень сильным, что проявляется как в его многоглавости (семь — см. сказку «Байская дочь и Плешивый», девять, двенадцать голов — см. сказки «Уральская вода», «Каменное изваяние»), так и в устрашающем грозном появлении: например «төн урталары еткәс, қапыл ел-дауыл күтәрелеп, ағас баштары шаулай башлаған, қая таштар, шарлауықтар үкергән, күк йөзөн қара болот қаплап алған, ти» (‘В полночь поднялся ураганный ветер, сильно качая верхушки деревьев, вызывая

гул скал и водопадов. Небо покрылось черными тучами’) [БНТ: Сказки 1: 169].

Душа дэва всегда находится вне тела, чаще всего в яйце, которое хранится в сундуке или в гнезде на высоком дереве, растущем на необитаемом острове [БНТ: Сказки 1: 115, 118; БНТ: Сказки 2: 98].

В башкирских волшебных сказках также часто встречается мифологическое существо аждаха [Хисамитдинова 2010: 7]. В народном сознании оно представляется чудовищем, живущим в водоемах, на болоте и требующим себе в жертву молодых девушек и женщин. Внешне аждаха напоминает змею: «өйзө ике тапқыр уратып ята» (‘лежит, обложив дом двойным кругом’) [БНТ: Сказки 1: 109]. Среди мифологических персонажей оно самое многофункциональное: «Сәмреғоштоң балалары сырылдаша башлай. Аждаһа ағас башына үрмәләп менеп бара» (‘Птенцы самригуш начинают беспокоиться. Аждаха лезет по дереву (к гнезду птицы. — Х. Г.)’) [БНТ: Сказки 1: 113]; «[батша] һыу эсеп торһа, ел-дауыл куптарып бер аждаһа килеп сыға ла: “Артында бер нәмән бар, шуны бирмәһән, мин һине хәзер үк ашайым» (‘Царь стоял ипил воду, и в этот момент, вызвав сильный ветер, появился аждаха и говорит: “Если не отдашь то, что есть у тебя дома, я тебя съем”) [БНТ: Сказки 1: 156]; «...һарайза һигез тоткон малай бар, туғыз тоткон қыз бар. Уларзы аждаһа һаклай» (‘Во дворце есть восемь пленников и девять пленниц. Их охраняет аждаха’) [БНТ: Сказки 2: 273].

В башкирских сказках, несмотря на различие в названиях мифологических персонажей, функции их существенно не отличаются. Многоголовый дэв (дейеу) в различных сказках может называться многоголовым йылан или аждахой. Даже в одной сказке один и тот же персонаж может называться по-разному (см. сказку «Царь, джигит и аждаха»): и аждаха, и дэв [БНТ: Сказки 1: 156, 157] или иргаил и дэв [БНТ: Сказки 1: 114]. Правда, в последней сказке есть оговорка «иргәйел саф әзәм затынан түгел. Уның әсәһе әзәм затынан, атаһы — дейеу затынан. Уның сихырзары — дейеу сихырзары. Уның менән көрәшһән, барыбер еңә алмас инең» (‘Иргаил не из рода человеческого. Его мать — человек, а отец из дэвов. Колдовство иргаила — колдовство дэвов. Даже если герой вступил бы с ним в схватку, то не смог бы его победить’) [БНТ: Сказки 1: 114].

Аждаха, как и дэв, может быть многоголовым [БНТ: Сказки 2: 108], может летать, требовать себе жертву [БНТ: Сказки 1: 156], принимать разные обличья [БНТ: Сказки 2: 56], появляться, вызвав сильный ветер, ураган [БНТ: Сказки 1: 162]. Главное отличие аждахи от дэва — возможность превращаться в юху. Юха — самый оригинальный мифологический персонаж в мире башкирских волшебных сказок. Башкиры верили в то, что если аждаха доживет до ста лет, то может превратиться в юху, принимающую разные облики. Юха чаще принимает облик красивой женщины и женит на себе джигита, а потом «табанын ялап, канын эсеп йөрөй» («сосет его кровь из пятки») [БНТ: Сказки 1: 165], — или, «һандыктан үлек кулы сығарып, иренең битен һыйпап, йоклатып сығып китә <...> кэбергә инеп, үлектә шытырзатып ашап кайта» («из сундука вытаскивает руку покойника, гладит им лицо мужа и усыпляет его <...> сама приходит к могиле, чтобы питаться мясом покойника») [БНТ: Сказки 1: 267, 271].

Среди противников героя не последнюю роль играют женские мифологические персонажи: мэскэй эбей (соответствует ведьме-людоедке, бабе-яге, упырю-кровопийце в русских сказках) и убырлы карсык/убыр/убырэбей (букв. старуха-обжора, старуха-людоедка), которые живут уединенно, вдали от людей. Так, мэскей эбей живет «алыста <...> бер бэлэкэй өйзә» («далеко, в маленьком доме») [БНТ: Сказки 1: 116], «урман эсендәге бер емерелеп кенә ултырган өй» («в полуразрушенном доме в лесу») [БНТ: Сказки 1: 183]. Убырлы карсык тоже живет «йыракта <...> тау араһындағы мәмерйәлә» («далеко <...> среди гор в пещере») [БНТ: Сказки 1: 184], «урманда <...> бэлэкэй генә бер өйзә» («в лесу <...> в одном маленьком домике») [БНТ: Сказки 2: 55], «ер астында» («под землей») [БНТ: Сказки 2: 93]. Герой попадает в их дом случайно [БНТ: Сказки 1: № 44], в поисках огня [БНТ: Сказки 1: № 61; БНТ: Сказки 2: № 39]. Портретная характеристика названных персонажей почти отсутствует, имеется лишь косвенный намек на то, что они внешне безобразные, даже страшные: убырлы карсык «сәстәре тузған» («лохматая») [БНТ: Сказки 1: 228], «өскө ирене түшәмдә, асқы ирене изәндә» («верхняя губа до потолка, нижняя губа до пола») [БНТ: Сказки 2: 55]. Функция мэскэй эбей, прежде всего, — высасывать кровь [БНТ: Сказки 1: 183], а убыр эбей — проглатывать [БНТ: Сказки 1: № 61, 66].

Оба указанных персонажа обычно пытаются убить героя. Так, в сказке «Молодой охотник» мэскэй велит герою выполнить трудные задания (трижды привести из леса трех коней), за что обещает одну из дочерей отдать ему в жены [БНТ: Сказки 1: 116]. В башкирских народных волшебных сказках встречаются сюжеты, согласно которым свекровь оказывается убырлы карсык и преследует свою невестку [БНТ: Сказки 1: № 66, 67].

Так же, как и в случае с дивами и аждахой, в некоторых сказках функции мэскэй эбей и убырлы карсык идентичны. Например, образы мэскэй эбей сказки «Семь девушек» [БНТ: Сказки 1: № 61] и убырлы карсык сказки «Кильтай-Мэргэн» [БНТ: Сказки 2: № 39] сливаются, они выступают и как хозяйка огня, за которым приходит героиня, и как существа, высасывающие кровь / сердце. В сказке «Шагали» [БНТ: Сказки 1: № 61] мэскэй эбей, а в сказке «Золотая игральная кость» [БНТ: Сказки 1: № 61] убырлы карсык напоминают дэва (или аждаху) тем, что хватают героя за бороду, когда тот приводит своего коня на водопой.

Перечисленные выше мифологические персонажи встречаются в сказках и у других тюркских народов, в частности, у татар, чувашей — тюрков Урало-Поволжья. Больше сходства башкирские сказки имеют с татарскими сказками. У башкир и татар в волшебных сказках противником героя чаще является дэв (дейу). Это сложный, противоречивый мифологический образ. В некоторых башкирских и татарских сказках он может не вредить, а помогать герою, что мы отметили на примере башкирской сказки «Генерал Хорка».

Таким образом, в башкирской народной волшебной сказке мифологические персонажи — противники героя делятся на персонажей мужского рода (дэв, аждаха, иргил) и женского рода (мэскэй эбей и убырлы карсык). Несмотря на различные названия, по сути они очень похожи и являются противниками героя. Их часто объединяют безобразный внешний вид, а также основные функции. В то же время имеются и отличительные особенности: если дэв запоминается в качестве похитителя женщин, то аждаха — как требующий в жертву молодых девушек, а мэскэй эбей — как причиняющая вред жене или сестре героя, тайно высасывающая кровь, что ведет к постепенной их гибели; убырлы карсык предстает как вампир, особенно по отношению к своей невестке.

Источники

- [БНТ: Эпос I] Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Сост. М. М. Сагитов. Комментар. Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова и А. М. Сулейманова. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 544 с.
- [БНТ: Сказки 1] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. первая. Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Вступ. ст. М. Х. Мингажетдинов. Комментар. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1976. 376 с. (на башкир. яз.).
- [БНТ: Сказки 2] Башкирское народное творчество. Сказки. Кн. вторая. Сост. М. Х. Мингажетдинов и А. И. Харисов. Вступит. ст. М. Х. Мингажетдинов. Комментар. Л. Г. Бараг и М. Х. Мингажетдинов. Отв. ред. Н. Т. Зарипов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1976. 370 с. (на башкир. яз.).
- [БНТ: Эпос IV] Башкирское народное творчество. Т. IV. Эпос. Сост. М. Сагитов, Б. Баимов. Вступ. ст. М. Сагитов, Б. Баимов, С. Галин. Отв. ред. А. Харисов, С. Галин. Уфа: Китап, 1999. 400 с. (на башкир. яз.).

Литература

- Жамалетдин Л. Ш.* Образ дэва в волшебных сказках // На путях научных изысканий (к 75-летию со дня рождения Ильбариса Надирова). Отв. ред. Ф. И. Урманчеев. Казань: Фикер, 2000. С. 134–158 (на татар. яз.).
- Зарипов Н. Т.* Башкирские богатырские сказки. Отв. ред. Г. Р. Хусаинова, А. М. Сулейманов. Уфа: Гилем, 2008. 240 с.
- Киреев А. Н.* Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа // Эпические жанры устного народного творчества. Ученые записки. Вып. 33. Сер. филол. № 13 (17). Труды обществ. науч.-иссл. ин-та фольклористики при Башкирском госун-те. Под ред. проф., д.ф.н. А. Н. Киреева. Уфа: БашГУ, 1969. С. 5–20.
- Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Отв. ред. к. филос. н. З. Наурзбаева. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Хусаинова Г. Р.* О современных записях башкирского фольклора: мифологические рассказы // Хусаинова Г. Р., Юлдыбаева Г. В. Современное состояние башкирского фольклора (сб. науч. ст.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 150–155.